

ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ЕДИНИЦА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

(на материале английских и русских народных сказок)

*Работа представлена кафедрой английского языка Пензенского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Пузырев*

Статья посвящена проблеме разграничения элементов и единиц манипуляции. В качестве основной составляющей единицы на уровне речи рассматривается высказывание манипулятора, обладающее определенной целостностью и самостоятельностью, которые отсутствуют у элементов, входящих в его состав.

The article deals with the problem of differentiation between elements and units of manipulations. The manipulator's expression is considered as a major constitutive unit at the speech level; it possesses certain integrity and independence, which are lacking in its constituents.

В данной статье обращается внимание на необходимость выделения некоего синтаксического единства (высказывания) в качестве основной единицы такого вида психологического воздействия, как межличностная манипуляция. Напомним, что под манипуляцией понимается особый вид психологического воздействия, скрыто направленный на собеседника с целью побуждения его к действиям, необходимым самому манипулятору для достижения какой-либо выгоды. В процессе осуществления манипулятивного акта субъект манипуляции пользуется разнообразными языковыми приемами, нацеленными на успешный для него исход психологического воздействия. Среди таких приемов встречается употребление эмоционально окрашенного слова, уменьшительно-ласкательного суффикса, неполного/односоставного предложения или, наоборот, сложной синтаксической конструкции и т. д. Использование этих и других манипулятивных возможностей языка приводит к необходимости разграничения данных языковых средств на более и менее полные (значимые) составляющие манипулятивного речевого воздействия – на его элементы и единицы.

Обратимся к словарю русского языка С. И. Ожегова для разграничения понятий «элемент» и «единица».

Элемент – «1. Составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы.* 2. Доля, некоторая часть в составе чего-нибудь, в чем-нибудь. *Восточные элементы в русском языке.* 3. Одна из сторон, признак в содержании чего-нибудь. *Элемент истории в изложении.* 4. О человеке, личности как члене какой-нибудь социальной группы. *Чуждый элемент. Посторонние элементы. Прогрессивные элементы общества. Злостный элемент.* 5. Простое вещество, не разложимое обычными химическими методами на составные части (спец.). *Периодическая система элементов.* 6. Прибор для получения электрического тока. *Гальванический элемент. Сухой элемент»¹.*

Единица – «1. Цифра, изображающая число 1. 2. Самая низкая шкальная отметка. 3. *мн.* Последняя цифра многозначного числа. 4. Величина, которой измеряются другие однородные величины. *Единица силы тока. Денежная единица.* 5. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы.* 6. *мн.* Отдельные предметы или лица, немногие по числу. *Только единицы не выполняют плана»².*

Как видно из приведенных определений, оба термина имеют по шесть лексико-семантических вариантов, из которых наи-

более точно характеризующими исследуемые понятия считаем первый вариант у слова «элемент». (1. Составная часть чего-нибудь. *Разложить что-нибудь на элементы.*) и пятый – у слова «единица» (5. Отдельная самостоятельная часть в составе целого, отдельный предмет (или лицо) в группе подобных. *Боевые единицы флота. Хозяйственная единица. Штатные единицы.*) В этом плане мы солидарны с А. В. Пузыревым, чья статья «Элементы и единицы русского языкового мышления...» дает более полное представление о функционировании элементов и единиц³. Обратим внимание на тот факт, что в самом значении слова «единица» содержится определенный компонент самостоятельности, целостности, который отсутствует у слова «элемент».

По мнению Л. С. Выготского, под «единицей» мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства. Что же является такой единицей, которая далее неразложима и в которой содержатся свойства, присущие речевому мышлению как целому? Нам думается, что такая единица может быть найдена во внутренней стороне слова – в его значении⁴. Соглашаясь с мыслью Л. С. Выготского и принимая во внимание указанную выше точку зрения А. В. Пузырева, считаем возможным сделать вывод о том, что элементами языка являются фонемы и морфемы, а его единицами – более сложные языковые образования.

Составляющие лексического уровня – слова, обладающие внутренним значением, часто рассматриваются как единицы лингвистического анализа. Они же выделяются многими исследователями как наиболее успешные языковые средства межличностных манипуляций (см., напр.: С. Г. Карамурза⁵, Н. А. Купина⁶, С. Хассен⁷ и др.). В этой связи возникает вопрос: действительно ли слова являются единицами манипулятивного воздействия?

По нашему мнению, ответ на данный вопрос кроется непосредственно в языковом материале (в нашем случае – эпизодах манипулятивных актов, взятых из народных сказок). Так, при изучении вербальной структуры манипулятивных актов представляется невозможным произвести анализ отдельно взятого слова, так как очень часто тот или иной семантический оттенок принимается им (словом) лишь в определенном контексте, тем самым лишая его некой языковой независимости, свойственной единицам как относительно самостоятельным образованиям. Подтверждение этой мысли находим у Ю. М. Скребнева, который в своей монографии «Очерк теории стилистики» отмечает, что слово невозможно мыслить без контекста⁸. Следовательно, слова, единицы лексического яруса, подобно фонемам и морфемам, являются элементами речевого манипулятивного воздействия.

Единицами речевого воздействия, по видимому, надлежит считать такие образования, которые содержат в себе определенную законченность и самостоятельность. Понимание текста (в нашем случае текстом является высказывание манипулятора), по убеждению Р. М. Фрумкиной, «кардинально зависит от знания грамматики (включая, разумеется, синтаксис) и в куда меньшей мере – от знания значений слов»⁹. Не следует забывать и тот факт, что «человек думает все-таки не словами: единицей мышления, на наш взгляд, является не слово, а мысль»¹⁰. Пользуясь терминологией А. В. Пузырева в рамках предлагаемого им целостно-системного подхода, отметим, что на уровне мышления исследуемой единицей является мысль, на уровне языка – предложение, на уровне речи – высказывание, на уровне коммуникации – коммуникативный акт (включающий две и более реплик)¹¹.

В приводимых ниже примерах манипулятивных актов за единицу анализа принимается высказывание, звучащее из уст манипулятора, так как исследуемые эпизоды народных сказок являются наглядной де-

монстрацией уровня речи. Рассмотрим следующий отрывок из русской народной сказки «Царь-медведь»:

«Тем временем Марья-царевна пошла белье мыть. Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит: “Здравствуй, красная девица!” – “Здравствуй, добрый молодец!” – “Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост – я бы перешел на ту сторону и женился на тебе”. – “Постой! Мост сейчас будет”, – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом»¹².

Репликами манипулятора являются два высказывания, первое из которых представляет собой междометное предложение «Здравствуй, красная девица!», а второе – сложную синтаксическую конструкцию «Я слышал от старых людей...». Первое высказывание служит для привлечения внимания собеседника (Марьи-царевны), расположения его к себе; второе – собственно манипулятивное. Посредством избыточности синтаксических связей (Змей ссылается на знания третьих лиц – придаточное дополнительное предложение; выражает желание воспользоваться несуществующим мостом – придаточное условное предложение; указывает на свое намерение жениться – придаточное условное предложение, осложненное однородными членами) манипулятор выстраивает логическую цепочку доказательств и тем самым вызывает у Марьи-царевны желание воспользоваться волшебным платком и построить мост.

Элементами речевого манипулятивного воздействия в анализируемом отрывке являются: употребление второго лица в единственном числе при обращении к девушке «Здравствуй...», что создает некую близость и доверительность в разговоре; суффикса *-л* в глаголе несовершенного вида «не бывало», который подчеркивает не-

однократность действия в прошлом и способствует формированию уверенности Марьи-царевны в том, что стоящий перед ней человек хорошо знаком с родными ей местами; частицы «да», свойственной просторечию. Указанные языковые средства относятся к уровню морфологии; на лексическом уровне, в свою очередь, отметим использование синонимичных слов «старый» и «прежнее» с целью создания иллюзии «своего» человека, повторное употребление местоимения «я», усиливающее собственную значимость. Выделенные нами элементы межличностной манипуляции раскрывают свое полное значение лишь в общем контексте, которым является высказывание манипулятора.

С целью изучения манипулятивных возможностей английского языка, проведем анализ элементов и единиц межличностной манипуляции на примере, взятом из английской народной сказки «Three Feathers/ Три перышка»:

«And the girl told him to fetch her the money, and he asked his master for it, and brought it to her. But as they were going upstairs, she cried, “O John, I must go back, sure I’ve left my shutters undone, and they’ll be slashing and banging all night.”

The butler said, “Never you trouble, I’ll put them right”, and he ran back, while she took her feathers, and said, “By virtue of my three feathers may the shutters slash and bang till morning, and John not be able to fasten them nor yet to get his fingers free from them»¹³.

«Девушка сказала ему [дворецкому] принести деньги. Он спросил их у своего господина и принес ей. Но как только они стали подниматься вверх по лестнице, она воскликнула: “О Джон, я должна вернуться, я, без сомнения, оставила ставни открытыми, и теперь они будут стучать и громыхать всю ночь”.

Дворецкий ответил ей: “Не беспокойся, я их закрою” – и побежал вниз, а она взяла свои перышки и вымолвила: “Силы трех моих перышек, сделайте так, чтобы ставни

громыхали и хлопали до утра, а Джон не смог бы ни закрыть их, ни оторвать своих рук от них”».

Единицей данного манипулятивного акта является первое высказывание девушки «O John, I must...», посредством которого произведено манипулятивное воздействие: героиня косвенно вызывает у дворецкого стремление закрыть ставни (а затем, пользуясь волшебными силами, удерживает его там до утра). Подобно русскоязычному варианту, цитируемое высказывание представлено сложной синтаксической конструкцией с бессоюзным и сочинительным типами связи. Относительно короткие, но полные по грамматическому составу простые предложения, входящие в состав сложного, на наш взгляд, динамично и убедительно создают эффект вынужденной необходимости для девушки (необходимости

уйти). Созданию подобного эффекта также способствует ряд элементов, образующих манипулятивное высказывание: междометие «O», модальный глагол «must», усилительное наречие «sure», прилагательное «all».

Сопоставительный анализ этих и других имеющихся у нас примеров (общим количеством порядка тысячи контекстов) позволяет сделать следующий вывод: как в англоязычных, так и в русскоязычных актах межличностных манипуляций за единицу воздействия на уровне речи необходимо принять высказывание манипулятора, представляющее собой синтаксическое единство, обладающее определенной законченностью и самостоятельностью в отличие от элементов манипулятивного воздействия, к которым относятся составляющие фонетического, морфологического и лексического ярусов языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов. 16-е изд., испр. М.: Русский язык. 1984. С. 788.

² Там же. С. 159–160.

³ Пузырев А. В. Элементы и единицы русского языкового мышления, русского языка, русской речи и коммуникации и нуль в курсе «Современный русский язык»// Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: Сборник статей. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2002. С. 51–65.

⁴ Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 16.

⁵ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. (Серия: История России. Современный взгляд). Алгоритм, 2001.

⁶ Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та. ЗУУНЦ, 1995.

⁷ Хассен С. Освобождение от психологического насилия. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

⁸ Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. С. 97.

⁹ Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 176.

¹⁰ Пузырев А. В. Указ. соч. С. 53.

¹¹ Пузырев А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Институт языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995.

¹² Народные русские сказки: В 3 т. / Сост. А. Н. Афанасьев. М.: Наука, 1985. Т. 2. С. 76.

¹³ More English Fairy Tales / Collected and edited by Joseph Jacobs. London: D. Nutt, 1894. P. 87.